

мической и одновременно открытой для публичного рассмотрения, дающей доступ к своим материалам представителям широкой общественности.

A. T. Sabirov

Oral history of the “silent majority”. From the experience of field research in Uzbekistan

Annotation. This article examines the experience of Uzbek historians in conducting oral history research. According to the author, the experience of oral history in Uzbekistan is still insufficient, but it has good prospects, since a community of scientists and representatives of related sciences in oral history has already been formed. This direction is developing both in social and academic aspects. At the same time, a number of problems in the development of the new method were not-

ed, such as the fragmentation of research, weak methodological base, lack of interaction between researchers. The process of institutionalizing the collection and analysis of oral recollections on the basis of specific projects and international cooperation is shown in stages. Methods of research, which were accompanied by field and research practice, are described in detail. The article discusses specific methods of field research of local communities (mahalla) and small towns of Uzbekistan. The author notes specific problems of conducting oral-historical research, such as the official discourse in the memoirs of veterans, the observance of ethics in relation to the researcher and the respondent, the problem of language and others. **Keywords:** Oral history, interviewing, historical memory, history and identity, trainings, small towns, mahalla, biographical method, transcription.

Источники и литература

1. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории: учебное издание / Сост. М. В. Лоскутова. СПб Изд-во Европ. ун-та, Санкт-Петербург, 2003.
2. Зияев Х. Ўзбекистон мустақиллиги учун курашларнинг тарихи (История борьбы за независимость Узбекистана). Ташкент, 2001.
3. Исмаилова Ж. Фаргона водийсидаги миллий озодлик курашлари (Национально-освободительное движение в Ферганской долине). Ташкент, 2003.
4. Зияев Х. Узбеки в Сибири XVII–XIX вв. Ташкент Фан, 1968. 73 с.
5. Ташкентское землетрясение 1966 года. Воспоминания очевидцев. Ташкент, 2008.
6. Зияева Д. Босмачиллик: Хақиқат ва уйдурма (Басмачество: истина и мифы). Ташкент, 2002.
7. Текущий архив Института истории АН РУз.
8. Соглашения о сотрудничестве и совместной деятельности между представительством «Немецкой Ассоциации народный университетов (IZ/DVV) и Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан за 2010 и 2011 гг. // Текущий архив Центра устной истории Института истории АН РУз.
9. Клингенберг М. Махалля между традицией и современностью // История и Самосознание: Опыт Узбекистана и Германии. Ташкент, 2006.
10. Устная история в Узбекистане: теория и практика. Вып. I. Ташкент, 2011.
11. Kamp M. The new Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity. And unveiling under communism. Seattle-London: University of Washington Press, 2006. 332 p.
12. XX век глазами женщин Узбекистана /сборник первич. материала, авт. предисл., заключения, глоссария и примеч. М. Тохтаходжаева. Москва Наталис, 2008. 312 с.
13. Народное слово. 2020. 1 сент.

УДК 94(571)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-230-243

Г. С. Харатян

Институт Археологии и этнографии НАН РА, г. Ереван, Республика Армения

Сибирь в письменных воспоминаниях и устных рассказах репрессированных армян: от ГУЛАГа до второй родины

Аннотация. Публикация посвящена рассмотрению образа Сибири у репрессированных армян, которые были высланы в этот регион. Источниками работы стали как письменные воспоминания, так и устные рассказы. Анализируя источники, автор характеризует непростые природные условия Сибири и отношение местного населения к депортированным армянам. Отмечены значительные различия образа Сибири в письменных воспоминаниях взрослых людей и в устных рассказах информантов, которые на момент высылки были детьми. **Ключевые слова:** Сибирь, ГУЛАГ, армяне, депортация, спецпоселение.

Не секрет, что слово «Сибирь» и представление о Сибири у многих, в том числе у армян, в конце XIX – начале XX в. ассоциировалось со ссылками, каторгой, криминальной преступностью и местом скопления сосланных за политическое диссидентство.

Ассоциация Сибири с ссылкой стала убежденным в 1927–1933 гг. когда новая советская власть сначала в лице ГПУ, затем НКВД пачками отправляла в ссылку в Сибирь на 3 года, на 5 лет нежелательные «элементы» из Советской Армении как «антисо-

ветски», «контрреволюционно» настроенных людей. Очень многими из них были так называемые фидины из Западной Армении, спасшие немало людей – женщин, детей, стариков от резни армян в Турции, помогавшие им в 1915–1916 гг. перейти на Кавказ, были любимыми героями, в особенности среди беженцев. После большевистской революции в России и заключения «Договора о дружбе и братстве» между Москвой и Анкарой в 1921 г. и признания Советской Россией восточных границ Турции с Армени-

ей и Грузией армяне-беженцы из Турции стали особой мишенью органов власти, ибо 8-й статьей договора стороны обязывались «не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль Правительства другой стороны или части ее территории, равно как и пребывания групп, имеющих целью борьбу с другими государствами. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство и в отношении советских республик Кавказа, при условии взаимности. Считается установленным, что под турецкой территорией, упомянутой в настоящей статье, подразумевается территория, находящаяся под непосредственным военным и гражданским управлением Правительства Великого Национального Собрания Турции». Ясно, что эта статья под «образованием или группой», которая потенциально может претендовать на «части территории Турции», подразумевала беженцев-армян из Западной Армении на территории России и на Кавказе. Это они могли претендовать на покинутую ими территорию Западной Армении или, по крайней мере, Карсскую область и Сурмалу, оставшиеся по Московскому договору в границах Турции. А под «организацией» или «группой», «имеющими целью борьбу с другими государствами», подразумевалась, конечно, армянская революционная партия Дашнакцутюн.

Ловля авторитетных людей из среды западных армян, в особенности в Советской Армении, имеющей протяженную границу с Западной Арменией в Турции, шла с самого начала установления советской власти в кавказской или Восточной Армении, но с 1927 г. приняла целеустремленный и организованный, можно сказать, плановый характер. Под прицелом были в особенности бывшие фиданьи из Западной Армении, и против них выдвигались обвинения в «антисоветизме», «антиреволюционизме», «в связях с дашнаками». Например, известный Чоло – Киракосян Чоло Абрамович (год рождения 1873, село Шеник Сасунской провинции Западной Армении), проживающего в селе Воскетас Талинского р-на Армянской ССР, недалеко от границы, первый раз арестовали в 1927 г., статьи обвинения 60, 61, 69, 70, 72, 73 УК ССРА, дата приговора 15/10/1927 // 24/11/1927 // 17/02/1928 // 24/08/1928 // 08/07/1930, приговорен ОС при АрмГПУ // ОС при Коллегии Зак. ГПУ // ОС при Коллегии ОГПУ // ОС при Коллегии ОГПУ, наконец был приговорен к высылению в концлагерь на 3 года // выслать на Южный Урал на 3 года // во изменение прежнего постановления выслать в Туркестан на тот же срок // по отбытии срока наказания лишить права проживания в Московской области, СКК, Дагестане, Закавказье и Крыму на 3 года [1]. После возвращения его, простого колхозника, вновь арестовал Талинский РО НКВД Армянской ССР в 08.08.1937 со смешным обвинением: «был хмбапетом» (т. е. возглавлял группу вооруженных людей до 20-х гг.), и 13.09.1937 «тройка» НКВД Армянской ССР приговорила его к расстрелу [2].

Та же участь постигла Зорика Гаспаровича Мамиконяна (Арха Зорик), рожденный в 1871 г. в селе Аран Мушского вилайета Западной Армении. Он был особенно известен среди беженцев как защитник армян от курдских и тюркских головорезов во время резни. Его, проживавшего в селе Мастара Талинского р-на Армянской ССР, вдоль границы с Западной Арменией, колхозника, арестовал НКВД Арм. ССР 25.05.1934, с обвинением «к/р дашнак», 10.02.1935 ОС НКВД приговорил его к ссылке на три года в Казахскую ССР, а сразу после возвращения его арестовали 23.12.1937 с тем же обвинением «к/р дашнак» и через пять дней, 28.12.1937, «тройка» НКВД приговорила его к расстрелу [3].

Саргсян (Тер-Даниелян) Бабе Тер-Даниелович в 1915 г. несколько раз сходил в Ванский вилайет за своими односельчанами – в село Кабабик, за другими ванскими беженцами, чтобы помочь им перейти реку Аракс. Родился он в 1883 г. именно в селе Кабабик. Сопровождал многих, сам вместе с односельчанами поселился в селе Джанфида, недалеко от границы покинутой родины. Агенты ГПУ, затем НКВД следили за ним с 1924 г. Арестовывали три раза. Даже агенты не смогли придумать вразумительные доказательства для обвинения. Тем не менее в 1929 г. его сослали по обвинению «член партии Дашнакцутюн». Вернулся из ссылки в 1932 г. Последний раз его арестовали 12.10.1937 с обвинением: «Ярый враг советской власти. Не признался. Разоблачен данными агентов и показаниями свидетелей». Имеются показания трех свидетелей, которые «слышали», что Бабе Саргсян «ограбил турецкое село». 05.11.1937 заседание «тройки» приговорило его к расстрелу [4].

Айвазян Мкртыч Манукович, рожденный в 1891 г. в г. Эрзруме Западной Армении, учитель, тоже первый раз был арестован 17.08.1927 как «член партии Дашнакцутюн» и приговорен к высылке на 3 года из Закавказья в Сибирь с лишением после отбытия наказания права проживания в Закавказье, Крыму и др. с прикреплением к определенному месту жительства [5], но 13.10.1937 его арестовали вновь как «члена к/р дашнакской организации, а/с работа» и приговорили к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет. Однако после отбытия и этого заключения его, как и многих, арестовали еще раз, 30.12.1949, теперь уже с обвинением «чл. а/с националистической организации», и приговорили к ссылке навечно в Красноярский край [6].

Такой же была участь Вагана Мануковича Агароняна, рожденного в 1884 г. в Игдире Сурмалинского р-на Западной Армении. Арестовали в 19.04.1933 – «ведет к/р работу», в 09.03.1938 – «член к/р даш. организации, распространял провокационные слухи по адресу соввласти», приговор – заключить в ИТЛ на 10 л., и третий раз – 09.12.1948 г., по решению МГБ АрмССР – «за принадлежность к а/с организации», и по решению ОС при МГБ СССР приговорили к ссылке в Красноярский край [7].

Примеров – тысячи. Все приговоры «к ссылке» независимо от места ссылки в народе считали ссыл-

кой в Сибирь, несмотря на то, что до 1933–1934 гг. ссыльных чаще отправляли в Среднюю Азию или на Северный Кавказ. Родственники ссыльных были уверены, что их родные находятся именно в глухой Сибири, которая представлялась им неким вечноледяным, адским, беспросветным местом с каторжниками. Часто даже угрозы административного лица в адрес человека заключали в себе выражение «пошли в Сибирь». Сибирь, в особенности западным армянам, не знающим и не представляющим Россию, казалась сплошной тюрьмой. Красноречиво удивление матери Абрама Кисибекяна, высленного с семьей в Алтайский край в 1949 г.: «Если мы в Сибири, то почему людей не сажают [в тюрьму]?» [8]. В ее представлении Сибирь – сплошная тюрьма, а спецпоселение (Третье отделение совхоза имени Молотова Шипуновского района), в котором она жила с семьей сына, не тюрьма, они живут в селе вместе со свободными людьми... Разновидности форм неволи многим простым людям были непостижимы.

Начиная с 1936–1937 гг., с покрытием территории Сибири сетью из 30 тысяч мест заключения ГУЛАГа – лагерей и тюрем – со временем страшная «тюремная Сибирь» обусловила негласное восприятие Сибири как «тюрьмы и каторги для невинных», хотя, конечно, там преобладали криминальные преступники. Многие невинные политические «преступники» – узники тюрем, лагерей, каторжники таежного лесоповала и опасных рудников по добыче золота, олова, урана в Сибири – своими воспоминаниями, художественными произведениями способствовали восприятию сибирской каторжной жизни.

В послевоенной Армении, на Кавказе, как и по всему СССР, массовые репрессии, аресты, ссылки возобновились в 1947 г., а 1948 год начался с новой активизации репрессий. 21 февраля 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР № 16159сс «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР», 1-м пунктом которого Министерство внутренних дел СССР обязывало «всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности, – по истечении сроков наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов Министерства государственной безопасности», а 2-м пунктом «направить в ссылку на поселение государственных преступников, перечисленных в статье 1, освобожденных по отбытии наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны. Направление в ссылку на поселение этих лиц производить по решению Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР».

В 1948 г. в Армении были арестованы и в 1949 г. по решению Особого совещания сосланы в Сибирь и в Казахстан на вечное поселение многие возвратившиеся из ссылок и мест заключения жители Армении, в том числе ссыльные 1937–1938 гг. писатели и бывшие государственные деятели Ваграм Алазан, Гурген Маари, Вагаршак Норенц, Артавазд Егиазарян, Лемвел Марутян, Адо Адоян, Каро Газарян, Армен Анамян и др. В течение 1947–1952 гг. в республике за «контрреволюционные преступления» было персонально осуждено 2225 человек, среди них немало репатриантов. Они теперь уже бессрочно, навечно были отправлены в так называемые «спецпоселения» (перевод на армянский язык дать сложно: многие термины, возникшие в процессе репрессий, трудно переводимы). Многих людей очередная репрессия карала в третий раз.

Однако самому большому «заселению» Сибири армянами способствовала депортация/выселение армян по приказу министра государственной безопасности СССР № 00183 от 28 мая 1949 г. «О высылении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья» [9, с. 668]. Следом вышло постановление Совета министров СССР № 2214-856сс от 29 мая 1949 г. «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства высланных с территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря», подписанное Сталиным [9, с. 668]. Это постановление первым пунктом обязывало «...Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова) расселить выселяемых дашнаков в Алтайском крае, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, – в Томской области, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, – в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях Казахской ССР...».

02.06.1949 вышел приказ министра внутренних дел СССР № 00525 «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства высланных с территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря» [10]. Из приказа узнаем, что «выселяемых с территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Украинской ССР, Краснодарского края и Крымской области направить на вечное поселение:

В Алтайский край	дашнаков	3620 семей	13 000 чел.
В Томскую область	турок	1500 семей	5 400 чел.
В Джамбульскую область	греков	6000 семей	21 600 чел.
В Южно-Казахстанскую область	греков	1500 семей	5 400 чел.

Выселение «дашнаков»-армян, греков и «турок» и их депортация в Алтайский край произошли в ночь от 13 на 14 июня 1949 г. Анализ количества и контингента выселенцев-армян 14.06.1949 показал, что количественные лимиты по контингентам, по крайней мере по «дашнакам» и «туркам», на практике оказались условными. На практике число «дашнаков», выселенных в Алтайский край, на 5000 чел. превышало первоначально предусмотренное количество, достигая 18 000, лимиты же по «туркам», выселенным в Томскую область, наоборот, на практике уменьшились до 4606 чел. Были условны также контингенты выселенцев, по крайней мере «турки» оказались не турками. Большею частью это были бывшие турецкоподанные армяне — беженцы от геноцида и их дети, рожденные уже в СССР, ассирийцы, лазы, аджарцы, азербайджанцы и пр. Количество этнических армян среди них составляло не менее 1000 чел. Суммарно были выселены в Сибирь 19 000 армян.

В данной статье проследим за письменными воспоминаниями о сибирской жизни одного заключенного и трех спецвыселенцев армян в разных участках спецпоселений Сибири — в Алтайском крае, в Красноярске и в Томской области. Наши авторы по месту происхождения тоже разные. В Алтайском крае вместе с престарелой матерью и женой в спецпоселении оказался Абрам Кисибекян, 56-летний учитель школы из Баку карабахского происхождения, который потом в своем жизнеописании написал также об алтайской жизни [8, с. 382–492]. Ваграм Алазан, писатель, секретарь Союза писателей Армянской ССР из Еревана (в 1938–1946 гг. был в исправительно-трудовом лагере на Калыме, а в 1949–1954 гг. — спецпоселенцем в селе Богучан Богучанского р-на Красноярского края), западноармянского происхождения (родился в городе Ван). Написал книгу о своих скитаниях по Сибири [11]. Его дополняет супруга Маро Алазан, тоже западноармянка из Ванского вилайета, потерявшая во время Геноцида всю семью, с 7 лет росшая в детских домах, в 1937 г. задержанная как ЧСИР и узница Ереванской тюрьмы, в 1949 г. последовавшая за мужем в Красноярский край и проживавшая там до 1954 г. Ее рукопись, находящаяся на данный момент в печати, содержит богатый и очень интересный материал о жизни в Богучане. Написана она в 1960-е гг., когда ее автор оживленно переписывалась с сибирскими друзьями, и вообще воспоминания напоминают живой дневник. Третья книга — настоящий дневник, написанный Арпеник Алексанян с первого дня выселения из Тбилиси, Грузинской ССР в Томскую область как «бывшая турецкоподданная» до освобождения из спецпоселения в 1954 г. Издана она Институтом археологии и этнографии НАН РА в 2007 г. [12].

Таким образом, у нас имеются письменные воспоминания двух мужчин и двух женщин, из них один, Абрам Кисибекян, — бывший член Армянской революционной партии Дашнакцутюн, учитель из Баку (Азербайджан), второй и третий — коммунист, писатель Ваграм Алазан и его жена Маро Алазан, врач

из Еревана (Армения), четвертый — Арпеник Алексанян, молодая, 23-летняя врач из Тбилиси (Грузия). Двое из них родились в Западной Армении, в Ване (супруги Алазан), являются беженцами от Геноцида, муж был сослан как «член антисоветской троцкистской организации». Арпеник Алексанян родилась в 1926 г. в г. Тбилиси, в семье беженцев из того же Вана, и была сослана с семьей в составе 5 человек (родители и три сестры) в категории «турки» как «бывшие турецкоподданные». К воспоминаниям супругов Алазан в этой статье мы не обращаемся, выбирая воспоминания об Алтае и Томской области.

О чем вспоминали невольные сибиряки-армяне?

О тяжелой, непосильной работе, о тяжести морозных, холодных, неудобных зим, о надзоре за выселенцами (о комендантах, политических управлениях, об ограничении передвижений, о попытках вовлечь их в агентурную сеть), о внутриармянской взаимопомощи среди выселенцев, о помощи местных жителей и о новых знакомствах, о хороших и плохих людях, об изнурительном ожидании ответов на жалобы о несправедливом выселении и заявления-просьбы об освобождении, о совместных посиделках армян и местных, о быте, культуре «местных» — русских и других выселенцев — русских, украинских, немцев, евреев, калмыков, но чаще всего о работе, о семейных и гендерных отношениях, о веселье и праздниках, о природе, тайнах, красоте и богатстве Сибири.

Сразу скажем, что они сильно отличаются от устных рассказов, которые мы слышим от бывших невольных сибиряков-армян сегодня. Сегодня нам рассказывают дети выселенцев 1949 г. Их воспоминания — детские, школьные, комсомольские, у некоторых также трудовые. Они знали и знают горечь своих родителей, но сами пережили сибирскую жизнь иначе, совсем в другой среде. Комендатуры их не вызывали, они сами не ходили туда подписываться, не обращались к комендантам, не чувствовали над собой надзора, их не привлекали в агентурную сеть, и вообще человеческие отношения для них шли в иной, более дружелюбной и чистой плоскости. Они как личности в определенном смысле формировались в сибирской жизни и в сибирской культуре. Для них Сибирь — вторая родина.

Воспоминания семьи Кисибекян

Алтайский край, Шипуново: «Многие помогали выселенцам, хотя за это нередко получали предупреждения... Один старик по фамилии Куряткин утешал выселенцев — „не унывайте, не падайте духом, уверяю вас, с помощью всемогущего Бога справедливость восстановится. Вы не первые, и не будете последними, наподобие вас приезжали многие, но все вернулись... все возвращаются... Через пару лет вы тоже уедете, будьте уверены“», — пишет Кисибекян и добавляет: «Этот русский мужик неизгладимо останется в моей памяти до конца жизни» [8, с. 404–405]. Местные не всегда понимали, почему привезли этих людей. «За спиной наших молодых всегда кричали „фашисты“... Мы слышали по отношению к нам „звери“, „головорезы“» [8, с. 405]. Однажды Кисибекян

кьяна упрекнул человек по фамилии Волков: «...Были бы вы порядочными людьми, вы бы здесь не оказались». За него заступился пожилой человек: «Волков, твоя фамилия соответствует твоему поведению, ты настоящий волк. Только волк лишен совести и чувств... тебе бы понравилось такое отношение, окажись ты на их месте?» [8, с. 413].

Многие звали неустроенных выселенцев к себе домой временно жить, несмотря на свои стесненные условия. Женщина по имени Поля в Шипуново пригласила семью Кисибекяна в составе трех человек (сам Абрам Кисибекян с женой и престарелой матерью) к себе в комнату, где жила с двумя детьми. Кисибекяны нашли другой дом, но Поля осталась в их сердцах: «Какое доброе, честное сердце. Шесть лет она была одним из лучших наших друзей» [8, с. 408]. «Высокий и симпатичный» Егор Анисимович Емельянов тоже звал семью Кисибекяна к себе в небольшой дом с одной комнатой, коридором и кладовой: «...Мы перейдем в кладовую, а эти обиженные люди пока проживут в комнате» [8, с. 408]. Кисибекяны не приняли его великодушное предложение, но очень дружили с ним. Егор Анисимович давал советы о том, как обустроиваться в Сибири. Жена Кисибекяна в свою очередь посоветовала жене Егора Анисимовича молоко не сдавать и научила готовить из молока масло [8, с. 415–416]. Кисибекяны всего за пять рублей в месяц жили в доме пчеловода совхоза Размыслова, добрейшего человека, которого все звали просто — дедушка [8, с. 420]. Дедушка был тем самым человеком, кто заступился за Кисибекянов во время нападков Волкова. Они очень подружились, и подружились надолго. Вместе ходили за дровами в лес, вместе рубили деревья. Позже, когда семья Кисибекянов переехала в районный центр, ходили в гости друг к другу. «Как богата была эта среда добрыми и честными людьми», — пишет Кисибекян [8, с. 407].

Проживая по соседству с комендантом Жиденко, Кисибекян обнаружил, что тот по сути отзывчивый человек. Выселенцев-армян привезли летом, стояла хорошая погода, но с августа комендант предупреждал: «...Торопитесь, наступает зима, надо готовиться, ...приобретайте телегрейки, варежки, валенки, топливо, картошку, спирт, запасайтесь...» [8, с. 419]. «За нас думали добрые русские люди», — пишет Кисибекян. Запаслись — картошкой, свеклой, морковью, капустой, луком, купили незнакомую, но необходимую обувь — «пимы». Так как выселенцы чаще всего плохо отзывались о комендатуре и комендантах, Кисибекян был удивлен, что когда задумал переезжать из совхоза им. Молотова в районный центр, комендант Жиденко не только не противился, но даже помог с оформлением бумаг и сам походатайствовал перед политическим управлением, с условием, что «только сами должны найти работу, жилье и топливо. Даю вам 10 дней срока, езжайте и найдите дом и работу» [8, с. 425]. Поехали и нашли с помощью добрых людей. Им помогла Татьяна Ивановна Калининичова, экспедитор совхоза Молотова, «гуманная,

хрустальная женщина... отзывчая по отношению к посторонним людям, несмотря на то, что нас здесь представили как разбойников и головорезов. Спасибо этим людям...» [8, с. 424–425]. Татьяна Ивановна устроила жену Кисибекяна на работу в швейной артели, помогла найти жилье, и семья уехала из совхоза, «с благодарностью прощаясь с дедушкой, который шесть месяцев был нам родным отцом, и всеми честными русскими друзьями» [8, с. 430].

В районном центре, на станции Шипуново, Кисибекян находит новых друзей. «Один русский, один калмык и один армянин — председатель артели, его бухгалтер и я жили в очень близких отношениях. Один раз бухгалтер меня спросил: «Знаете ли вы, что учителя за корову подать не платят... Калмыки — скотоводы, согласитесь, совместно купим корову, а молоко поделим» [8, с. 449]. «Сделка», конечно, состоялась.

Кисибекян с теплотой вспоминает Шашкова — управленца соцапа, «великолепного» Акулова — председателя райисполкома [8, с. 430]. «Первый секретарь райкома партии Гурьев при случайных встречах на улице останавливал, расспрашивал о нашей жизни, сочувствовал. К сожалению, его заменил некий Карабасов, тоже русский, настоящий Карабас». Не выносил армян, и нас от него тоже тошнило. Он дошел до того, что предложил освободить все предприятия от выселенцев, что вызвало озлобление даже среди его же руководителей» [8, с. 447].

В 1951 г. Кисибекяна пригласили в политическое управление. Здесь старший лейтенант политуправления Сидоров в некотором смятении сказал ему, что он пригласил Кисибекяна не по своей воле, но... из центра заставили предложить Кисибекяну «подсказывать». По описанию Кисибекяна, встреча была неловкой для обеих сторон. Пока Кисибекян выяснял, что он подразумевает под «подсказыванием», Сидоров мямлил, не поднимая глаз, неловкие ответы: «Сообщать о слушанном... Вы же общаетесь с ними». После того как Кисибекян открыто заявил: «Я не способен на такую работу. Как вы думаете, если бы эти тысячи людей были бы в чем-либо виноваты, их бы не судили? И кто здесь осмелится жаловаться на что-нибудь... Я советский человек, зачем действовать тайно и невинных людей ставить в подобную ситуацию?» — Сидоров в смущении поднялся и легонько толкнул его: «Я вас не за этим вызвал... Бога ради, уходите» [8, с. 448–450].

Преодолевая трудности, с помощью добрых людей супруги в райцентре получили работу по специальности, преподавали в вечерней школе, построили дом, создали ухоженный огород и постепенно заслужили уважение местных. Когда в 1953 г. мать Кисибекяна умерла, на похороны пришло много армян из поселений за 16, 25, 35 километров и русских. Гроб с телом матери до кладбища несли на руках. На похоронах «одна учительница из Ленинанкана (город в Армении) трогательно запела скорбную песню-стихотворение своего сочинения о нашей страшной депортации, и все собравшиеся не могли сдерживать

себя... Я был очень подавлен. Виновником и единственной причиной мучений и смерти матери в забвении, вдалеке от родины, я считал себя — ее родного сына» [8, с. 457].

Но хорошие люди не могли спасти выселенцев от бюрократических и юридических ограничений в неволе. На все надо было просить разрешение, как, например, в случае болезни, если местный врач советовал увезти больного в Барнаул: «Пока заявление из районных центров посылали в Барнаул, пока от туда приходил ответ и доходил до больного, проходили недели и месяцы» [8, с. 437].

Кисибекянов, как и всех выселенцев, мучил вопрос возможности возвращения на родину. Абрам Кисибекян писал 12 заявлений с просьбой о рассмотрении своего дела. Написал Швернику, Ворошилову (два заявления), в МВД Азербайджана, в Президиум Совмина СССР, два заявления секретарю Верховного Совета СССР Пуго, Булганину и т. д. В «Воспоминаниях» он приводит содержание своих заявлений. На все заявления получал один и тот же ответ из МВД Азербайджанской ССР: «Ваше выселение правильно, Ваша просьба необоснованна». Только в августе 1955 г. он получил извещение о том, что его заявление отправлено в Прокуратуру СССР [8, с. 268–472].

Арпеник Александиян о Парбигском районе Томской области

«Наш адрес — Высокий Яр Парбигского района, Томской области Арфик», — телеграфировала Арпеник Александиян в Тбилиси, сестре, сразу после того, как ее семья в составе пяти человек после долгого пути в эшелоне прибыла в Томск, затем на баржах до Парбига в составе контингента «турки».

23-летнюю Арпеник, молодого врача, сразу по прибытии вместе с другими выселенцами устроили в бараке и послали на колхозную работу. «Мы устроились в большом бараке и были рады тому, что хоть здесь сможем вытянуть ноги и наконец заснуть. Начальство все крутилось вокруг нас, обращались с нами очень вежливо. Кто-то из них (оказывается, это был Храмцов) с больным зубом обратился ко мне за помощью. Нашу семью узнали все сразу и показывали друг другу. В бараке были Какавяны, Казарян, Енгигбарян Седа, Григоряны, Шалджяны, Дабагяны (Грануш болела), Караханяны, Бабкен, Кососяны, Седрак Погосян, Джамбазы, Абагян, Муша-оглы, Рехан и много азербайджанцев. Мы все были до невозможности грязные, вшивые. Здесь начали очищаться, но каждую минуту приходили то из комендатуры, то из сельсовета, то из колхоза, МТС. Всем было очень интересно посмотреть — кого привезли, что за люди, что из себя представляют. Приходили группами и часами глядели на нас, каждый заговаривал, расспрашивал, надо было всем отвечать. Как находили свободное время, бежали к бараку, а милиционер не разрешал, так как мы были еще опасны. Вечером все взрослые заснули, а молодежь пекла картошку. Крестьяне продавали молоко, картошку, яйца. Каждый считал долгом рассказать — как везли их в 1929 г., в каких ужасных условиях жили — прямо в тайге, что

почти все вымерли от голода, „а вас привезли уже не так, вы на всем готовом“, и т. д.

Сразу все узнали, что у нас аккордеон, и просили сыграть. Наши играли, собралась большая компания, познакомились с директором клуба Мишей Середой...» [12, с. 114]. «17.07.1949. Первый раз в жизни взяли на работу в колхоз. Пошли я, Асик, Лили, Сильва, Анаид, Сара, Рехан. Таня Другова нас повела далеко полоть овес. <...> Здорово измучились, пока дошли. Каждому дали участок, немного кое-как пополюли, и пошел сильный дождь. <...> Боже мой, в каком мы были состоянии, как измучились. В жизни нельзя забыть этот первый день работы. Дошли и начали плакать [12, с. 116]. «23.08.1949. Я с Кнарлик отбрасывали солому, она была мокрая и очень тяжелая. Мы не успевали, задыхались. Когда молотилка портилась, веяли, было сначала очень и очень трудно, а отставать от других было неудобно. Я с Кнарлик не дождалась ужина с брагой и одни вернулись домой. Шли тайгой 5 км, быстро стемнело, шли быстро, несмотря на слякоть. Начали прислушиваться к различным шумам: мы ожидали медведя. От испуга я начала кричать и просила Кнарлик громко петь, но и она от испуга не могла — взволнованным голосом пела «Галя молодая». Пришли поздно» [12, с. 121]. «30.08.1949. Папа подавал снопы, я очищала мякину. Молотилка испортилась, пошли веять, выдохлась совсем. Чувствую себя плохо, но жаловаться не стала, все равно не поверят». 12.09.1949 г. «Опять отправили на молотилку. Я отбрасывала солому. Стояла такая пыль, что невозможно было дышать, мы задыхались. <...> Пошли тайгой и за 1,5 часа прошли 6 км. Измученные, дошли, опять начали плакать. От пыли глаза не закрывались. Глаза гноятся» [12, с. 123]. «24.09.1949. «С папой пошли ставить снопы за 5 км. Арам Григорян цапался с председателем сельпо, который его и всех нас называл шпионами, экспулататорами. Арам его выругал и сказал, что этот вопрос так не оставит, что он ответит за оскорбление перед партией. Каждый дурак считает себя человеком и думает, как только съязвить, чтоб стало больно» [12, с. 125]. «02.11.1949. Папа с Л. в лесу заготавливали дрова, папа попал в болото, чуть не утонул [12, с. 130]. «22.12.1949. Рано утром я с Сашей поехала на работу. Сегодня — 46–48 градусов, работали на гараже, я с самого начала промерзла, особенно руки, перчатки ни к черту не годятся. От боли я начала плакать и побежала в столовую греть руки. Там поплакала над своей судьбой, как раз была одна» [12, с. 137].

И в холод, и в жару, и в дождь, и в снег — одна изнурительная работа. Но это были цветочки. Через полтора года по прибытии, 14.12.1950, Арпеник предложили стать агентом среди выселенцев. Она, естественно, отказалась, и ее наказали. Ее пригласили в Парбигский УМВД на прием к начальнику и «приезжим из Томска главарям бандитов». «Они начали: „Раз вы просите работу медработника, мы вас устроим, пошлем в Томск на специализацию, по любой Вами выбранной специальности“. Все это го-

ворилось спокойно, вежливо. Потом они дали знать, что „вы тоже нам поможете, к вам будут приходиться спецпереселенцы, рассказывать разное, что им пишут, кто что говорит, о чем думают, готовится ли кто-либо из них к побегу и т. д.“ Я тут же все поняла, что они из меня хотят сделать агента, чтоб я предавала своих, писала бы на них докладные, клеветы. Я вначале делала вид, что ничего не поняла. Это их очень разозлило, потом они начали кричать на меня: „Девчонка такая, ты все поняла, не хочешь нам помочь, мы твою семью сошлем в такую дыру, где вы увидите кусочек неба“. Я, как Зоя Космодемьянская, ответила: „Если нужно так, то так и сделайте. Я подписывать не буду“. Они злились, так как мне все сказали, я поняла, значит, среди нас есть такие, надо остерегаться. Мне угрожали наганом. Я впервые в жизни увидела это оружие... и прямо перед лицом. Эти озверевшие собаки кричали на меня всякими словами. Я молчала. Взяли у меня подписку, что я никому ничего не расскажу, потому, когда я вернулась домой, была другая. Папа с мамой спрашивали: „Аподжан, что случилось, расскажи“. Я не говорила, боялась, что вдруг папа скажет кому-нибудь из армян. Они опять: „Скажи, детка, скажи“. На второй день пришлось рассказать своим, хотя и многим было известно, что каждый второй в СССР – шпион. Людей заставляли писать доносы, информировать о том, что было и чего не было. За такой отказ я получила от них все по их правилам. Я описала, как под вечер, зимой заставили меня выехать из Парбига. Посадили в сани к одному из работников, дали соответствующее указание вывезти из Парбига и оставить одну на дороге. В мороз, под вечер, пришлось сесть и выехать, немного проехав он остановился, что якобы не взял кое-что из управления, меня заставил сойти, мол, ты иди, а я догоню. Я отказалась: „Поеду с вами“. Он начал кричать: „Выходи, и всё“. На каком-то километре есть поселок Заготскот, там переночуешь. На тракте ни души, мороз, холод, темно, и Арпик одна с котомкой на спине. Вот и попробуй вытерпи и не плачь. Из-за моего отказа меня тут же отправили на лесозаготовку, 120–130 километров от дома» [12, с. 261–262].

9 января 1951 г. ее послали на валку леса: «Валка леса – самая тяжелая работа на лесозаготовке. Я с раннего утра до позднего вечера в снегу почти по пояс, ходить по снегу невозможно, каждую минуту нога задевает о ветки и падаешь в глубокий снег. А опасность какая. Смерть ждешь каждую минуту. Дерево упадет неправильно или будет скол, или вовремя не предупредят „бойся!“ вот тебе и баста... Я не знала, что вообще крадут топоры друг у друга. На следующий день мой топор исчез. Ясно, украли они. Мне очень тяжело валить... Мальчики наши всегда были голодные, без хлеба. Приходилось каждый день давать от своего хлеба, хотя и они меня злили каждый божий день. Брала с собой, как и все другие, только хлеб, хлеб сразу же замерзал, каменел. В обед немного разогревали на костре, иногда бывали такие голодные, что и не разогревали, все равно толку не

было, и так ела. Как-то мерзлым хлебом сломала зуб. Варежки были невозможные, руки мерзли. По технике безопасности больше –40 градусов и при ветре, когда гнутся стволы, не разрешается выходить на работу. Но кто смотрел на это? Как-то было –58, и нас с трудом оставили в бараке. И еще раз – сильный ветер, сушняк падал один за другим, а нас погнали на работу. Потом осознали, что могут быть жертвы, послали обратно по домам. Неделью было очень холодно. Возьмешь топор в руки, так мерзли, начинали болеть, боль доходила до сердца, хоть плачь, а работай. Подбежишь к костру на минуту и все. Уйдешь рано – достанется. 100% почти не давала ни одна бригада. Только кадровые работники, братья Пичекчи, лазы, давали 120–140%, и то, возможно, по блату. Из остальных самое большее – это 60%. Часто приезжали начальники из Парбига, из Томска, обходили бараки, устраивали собрания [12, с. 265–266].

Кроме неинтересной, мучительной, тяжелой работы Арпеник и ее семья, как и, собственно, весь контингент-«турки», мучились в догадках: почему они наказаны? Что они сделали? Почему навечно? Что такое «спецпоселение» и «спецпереселенцы»? Армяне также мучались в догадках, почему их называют турками, если они армяне? Почему турецкоподданные, если они родились советскими гражданами и продолжают ими быть? 11.02.1950 Арпеник пишет в дневнике: «Арам был у Кососянов, и ему прочли письмо Кнарник из Москвы. Пишет, что была у Шверника, Абакумова (он армянин, но сказал, что не понимает по-армянски), у Генерального прокурора СССР. Все ее успокоили и сказали, что за эти 2 месяца их вопрос разберется, и пусть на 80 процентов будет уверена, что родители вернутся: если не родители, то молодежь обязательно. В прокуратуре были удивлены, что родители имели советский паспорт, что они голосовали. В общем, не пойму, что делается, неужели они не знали, каких людей выселяют, а сейчас так удивляются» [12, с. 156]. А на следующий день, 11.02.1950, узнает, что «Гурген во время регистрации видел, что дают подписываться на бумаге, где написано – „переселенцы-турки“, он начал сопротивляться, но все же заставили подписаться» [12, с. 156]. А 10.07.1950 Арпеник на свои заявления получила два отказа: «Мне Прокуратура СССР наконец соизволила ответить – „Ваша жалоба рассмотрена и оставлена без удовлетворения. Выселение Вашего отца и семьи произведено правильно, и оснований к пересмотру дела нет. Зам. нач. отдела по спецделам, старший советник Юстиции Тюфяев 28.06.1950 г.“ Попробуй вытерпи все это! Этот сукин сын не понял, как я могла быть турецкоподданной. Господи, что делают с нами! Сбросили бы на наши головы атомную бомбу, чтоб мы избавились от такой жизни. Без вины виноватые, больше ничего» [12, с. 222–223].

С момента их выселения семья писала протесты (Швернику, Маленкову, Абакумову, Микояну, министру МВД Грузии...), просили указать их вину, и только к концу 1952 г. узнали, что их выселили «как бывших турецкоподданных». В письме к секретарю ЦК

КПСС Маленкову от 11 декабря 1952 г. отец семьи Александяна Ара пишет: «Только недавно МГБ Груз. СССР сообщило, что я выселен из Тбилиси как бывший турецкий подданный. Это обвинение несправедливо, за то, что я когда-то родился в Турции и был турецким подданным до 1924 г., меня не должны были сослать в Сибирь. Я родился в Турции, это правильно, но ведь я ничем не виноват, что родился в Турции. Родился я в г. Ван в 1885 г. в семье рабочего. В 1912 г. выехал в Россию. В 1915 г. во время армяно-турецкой резни бежали мои родители из Турции. Бежали от турецкой резни, от турецкого ига, искали убежища в России. До 1924 г. был турецкоподданным. В 1924 в Тбилиси принял советское подданство и до сих пор являюсь честным советским советским человеком, ни разу не судим, ни разу не имел ни одну регистрацию, ни в чем ни разу не обвинялся и вдруг взяли и выслали с семьей» [13, л. 15–16]. Если Ара Александян и его жена родились в Западной Армении – в Турции, то их дети родились уже в СССР и никогда турецкоподданными не были. Арпеник упорно отказывалась подписывать под справкой об ознакомлении с решением ОСО из-за слов «турецкоподданный». Так, в деле Арпеник Александян есть расписка от 9 марта 1953 г., которая «дана Парбигским РО МВД в том, что мне, Александян Арпеник Араевне, 1926 г. р., объявлено вторично постановление Особого совещания МГБ СССР № 7-а от 22/2-1950 года, что я выселена навечно, без возврата на прежнее место жительства как бывшая турецкоподданная. О чем мне объявлено». Подпись Арпеник отсутствует, зато есть пометка с подписью коменданта Св. Зеленовской с/ком-ры лейтенанта о том, что «от подписи отказалась, так как она заявила, что турецкоподданной не была (объявлено ей лично)» [13, л. 35]. А вторично Арпеник предлагали подписать расписку, ибо 6 апреля 1950 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1949 г. „Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны“ на лиц, выселенных согласно постановлению Совета Министров СССР № 2214-856 сс от 29 мая 1949 г.» и министра внутренних дел Союза ССР приказом № 00266 за 25 апреля 1950 г., который вынуждал начальника УМВД по Томской области полковника Бровченко проверить, «от всех ли выселенных из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР и с Черноморского побережья... турок... взяты расписки об объявлении им Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года».

Арпеник никак не могла свыкнуться с мыслью, что они, все спецпоселенцы, – граждане второго сорта. «Узнали, что Таню (фельдшерицу), которая встречалась с Эдуардом (литовцем), вызвали в райздрав и взрели за то, что она встречается со спецпереселенцем. Не знаю, насколько это правда. А все же, может быть, и правда, так как нашему Ванику тоже не раз

Рис. 1. Дом в Высоком Яру, в котором жили Александяны. Октябрь 1950 г.

решили жениться на агрономке-комсомолке. Какой ужас, ведь на тебя здесь смотрят как на спецпереселенца, даже нельзя влюбляться» [12, с. 174], «Любить тоже нельзя, надо спросить разрешения у коменданта» [12, с. 175]. 13 апреля 1950 г.: «Еще одна неприятность – Асик уволили с работы... Директор вызвал их, рассчитался и говорит, что ему неприятно, но так ему, мол, звонили из Парбига и передали, чтоб их ни минуты не оставлять, что они присланы сюда для сельскохозяйственных работ. Это слово особо злит.

Рис. 2. Арпеник возле дома в Высоком Яру. Июль 1951 г.

Боже мой, что они делают, каждый говорит разное, коменданты твердили, что можете найти себе подходящую работу, что они не возражают, а получается наоборот. Настроение у всех ужасное, что хотят, то и делают с нами. Скоро еще отправят на лесосплав, вот тогда всему конец. Мы говорим, как раз комната большая, можно сделать 9 петель и сразу покончить с жизнью, тогда и мы от всего навсегда избавимся» [12, с. 180–181].

5 апреля 1953 г. она пишет в дневнике: «Вчера состоялось комсомольское собрание, был вопрос по персональному делу Бухтоярова Василия. Коновалов – секретарь парторганизации – ставил вопрос об исключении из комсомола ввиду пьянки. Собрание длилось долго, почти все выступили против исключения: воздержаться, предупредить и, в случае повторения такого поведения, исключить и поставить вопрос о снятии с должности старшего агронома. Михеев выступил и сказал, что бухгалтер имеет связь со ссыльной молодежью. Это так на меня подействовало, так я стала нервничать, что я попросила слова и просила разъяснить, что раз он не имеет права быть знакомым со ссыльными, то нам подавно на собрании не следует присутствовать. Их я поставила в тупик, и Сухоруков начал меня успокаивать, что нам доверяют, что напрасно я беру это на себя и т. д. Я все возмущалась, ведь и я отношусь к ссыльной молодежи. Защитили мои слова Дудин, Никулин и Лобанов. После выступления я немного успокоилась. Бухгалтер выступил и по этому вопросу сказал, что не имеют права, не зная, как подходить к делу о ссылке» [12, с. 329].

Армяне-выселенцы, помогая друг другу, стали обустраиваться, покупать комнаты, некоторые – строить дома. В мае 1950 г. семья Алексанянов тоже купила комнату. «Папа пришел с Бабкеном, взяли сани у Чернова и начали переходить к Вахтеру. Как следует измучились. Как будто поместились, все друг на друга, негде двигаться – всего 10 м². Было у нас 50 м², кроме балкона, кухни, ванной и нам как будто опять не хватало, а сейчас 10 м², иди и довольствуйся. Вахтер живет рядом, за плитой, там же эстонка с мужем Паль... Видно, люди неплохие, живут дружно. Их половина такая же» [12, с. 195].

Людей мучили неустроенность быта, незнакомые условия жизни, холод, предоставленность даже стариков самим себе. Оставленные в бараках люди о свободе уже даже не мечтали. «02.12.1949 – 43 градуса. Я с Лилей спустились в больницу и на почту в сапогах без шаровар. Пока дошли, ноги так замерзли, что становилось дурно. У Джамбазянов утром 0 градусов, а днем +3. Бедные старики мерзнут, а дров нет. Анна-бабо говорит, что уже не хочет ни свободы, ни писем – а лишь дров» [12, с. 134].

У выселенцев в Высоком Яру случались также маленькие радости. Их звали на свадьбы, вечеринки, армяне сами собирались справлять свои национальные праздники. Но весь дневник Арпеник Алексанян пронизан болью несправедливости, тоской по родине, прошлой жизни. Сибирская жизнь Высокого

Яра Парбигского района 23–28-летней интеллигентной женщине представляется сплошным мучением.

Пройдет ровно 50 лет после их освобождения из ссылки «навечно», и в 2005 г. сестра Арпеник Алексанян, Сильва, вместе с которой Арпеник пережила сибирскую жизнь, напишет, что эта жизнь была сплошной «надеждой, горечью и тоской».

Знакомые мелькают лица,
Забывший образ в памяти возник.
Давно те годы перестали сниться.
Читаю я сестры дневник.

Казалось, все уже забыто –
Прошло с тех пор немало лет,
Но в подсознание крепко вбито,
И срока давности тут нет.

Дневник лежит передо мною,
Листает медленно рука,
Сквозь годы вновь стучится в сердце
Надежда, горечь и тоска [12, с. 395].

Воспоминания из устных рассказов

Лаерт Саргсян: «Мне было 13 лет, когда нас увезли. Я 1936 г. рождения. Отца, мать, меня, еще двух братьев. Я был старшим из детей. Мать была беременна, по дороге родила еще одного сына, но он потом скончался в Алтайском крае, в полтора года. Отец был артистом, мать учительницей. Оба они были сиротами еще до замужества. Одного моего деда убили большевики-чекисты, другого отравили. Дело было в смутных 20-х годах. Когда началась война, у моих родителей было уже четверо детей – три сына, одна дочь. Были тяжелые, голодные времена. У нас ничего не было, даже одной курицы, одного дерева. Но мать смогла нас прокормить, она работала также агрономом. Сестра Джулик скончалась за год до нашего выселения от менингита. Из нашей деревни сослали 7 семей.

Да, нас увезли в ужасных товарных вагонах, в очень униженных условиях. Привезли в Алтайский край, Пospelихинский р-н, зерносовхоз им. Мамонтова, Центральная усадьба. Мы там прожили только год, потом нас перевели в третье отделение. Наш совхоз имел 6 отделений, 6-е отделение было молочно-товарным хозяйством, я там потом работал водителем.

Директор нашего совхоза был Саламич, имени не помню. Поляк, великолепный человек, участник революции, добрейший, честный человек. Алтай на самом деле райская страна, очень плодородная. Честно говоря, сытно мы ели именно в те годы. У нас здесь (в Армении – Г. Х.) скота не было, а там мама доила двух коров. Зерновые поля были очень близки к селу, прямые, широкие. Все было – тракторы, комбайны. Со всеми жили дружно – русский, немец, калмык, армянин – никакого конфликта не было за все время нашего проживания. Мы жили в духе интернационализма, каждый гордился своей историей, культурой, нацией. Калмыки гордились Ленк Тимуром, и несмотря на то, что Тимур резал наш народ,

сжигал наши церкви, мы с ними не спорили. Немцы гордились Бетховеном, Бахом, Шиллером. Мы гордились своим Тиграном Великим. Каждый в школе говорил о своей истории, учились друг у друга.

Здесь я учился плохо, убежал из школы, но там вдруг захотел учиться хорошо. Может, учителя были хорошие, может, еще что. Нас научили русскому языку, и я много читал. Мы там полюбили социализм. Я с большим волнением стал комсомольцем. Я отвечал на вопросы с верой и трепетом. Там к этому вообще относились очень ответственно. Это было серьезно и в школе, и в совхозе. Я хотел стать Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым, Ульяной Громовой. Не только я, все мы хотели этого. Я уважал и до сих пор уважаю эти идеи. Затем, после возвращения, я стал коммунистом, до сих пор коммунист, коммунистом и умру [433].

Нас сослали в Сибирь, но в Сибири люди нас приняли хорошо. Нас уважали, помогали. Социализм, по моему пониманию, именно это уважение, взаимопомощь. Отец мой работал, я и брат подростки и тоже начали работать. Меня послали учиться на тракториста. Мать была домохозяйкой. При необходимости совхоз помогал. Все мы дружили. Школа подчинялась совхозу. Совхоз имел свое училище, были сотни учащихся, обучали механизации. Со всех сторон молодые приезжали туда учиться. Училище финансировал совхоз. Я тоже там учился.

Ссылных было много, и не только армян. Никто не знал, почему его сослали. Мой отец тоже не знал. Мой отец писал жалобы – Сталину, Маленкову, негодая Берия... Он воевал на фронте со второго дня войны до победы, почему его сослали?» [14, с. 424].

Моя мать в ссылке забеременела и самостоятельно освободилась от плода. Это было ночью, отца не было дома. У нас была только одна комната, я лежал и ждал, понимал, что мама освобождается от ребенка. Потом она что-то завернула в полотенце и попросила меня это положить в углу. Утром встал, этого не было в углу. В сталинское время аборт были запрещены, за это судили. Но после этого она в Сибири родила еще трех мальчиков – Куку, Вагаршака и Вардана. Вагаршак тоже умер там. У нас вообще в Сибири остались три могилы – двух братьев и отца.

Все мы жили одинаково. То же жилье, скорее всего хижина с одной комнатой, те же печи, та же пища, тот же хлеб. Нет, ошибся, калмыки пекли лепешки, моя мать выпекала наш хлеб, русские в своих печах выпекали буханки. Но вне дома совместно справляли одни и те же праздники, танцевали те же танцы, пели русские песни, та же музыка. Веселились. Там большой праздник «Праздник первой борозды». Это весной. Это не национальный праздник, наверное, можно сказать – советский праздник. Все, все – немцы, калмыки, русские, армяне – праздновали вместе. В особенности молодые. Организовывала наша комсомольская ячейка. На Новый год ходили ко всем домой поздравлять. Не только армяне, а все.

В Сибири прожили ровно семь лет. Приехали в августе 1956 года. Спустя годы, в 1980-х годах с моим старшим сыном поехали в Сибирь навестить наши могилы. Из Барнаула на машине ехали в Мамонтово, а куропатки стаями летали перед машиной. Не боялись. Чего бояться, там даже людей нет. Большая, пустая страна, богатые леса, тайга, бескрайние поля пшеницы. Земля богатая, сырая. Сын мой говорил – настоящий рай. Да, рай, но безлюдный» [14, с. 422–440].

Из истории Евгении и Амаяка Варданянов, матери и сына, о жизни в Алтайском крае. Рассказали Г. Харатян 12 июня 2012 г. в селе Татев: «Из нашего села за одну ночь увезли 19 семей. Привезли в село Александровка Знаменского района. Директор колхоза сказал, что для нас уже посеян гектар картошки. Мы там прожили 7 лет. Мне было 18 лет, я была замужем и приехала с моим первенцем, вот с этим Амаяком. Нас в семье было 7 человек – свекор, свекровь, муж, брат мужа, золовка и я с сыном. В Армении мы жили в нужде. Я сама с годовалого возраста была сироткой, меня вырастила дядина семья. Нас устроили в одном большом доме вместе с другими армянами выселенцами. Потом мы себе построили отдельный дом из кирпича. Хороший был дом, с русской печью, теплый. Все мы работали. Моего мужа послали учиться на тракториста. Он и его сестра, моя золовка работали в поле. Брат мужа ходил в школу. Я, правда, в поле не работала из-за младенца, но весь день босоногая месила глину. До сих пор ноги болят. Там у меня родились еще трое детей. Жизнь была трудная, работы много, дети маленькие, но люди там были хорошие. Это была немецкая деревня, все говорили на немецком. Сын мой Амаяк там на немецком лучше армянского говорил. Ничего плохого в отношении к нам мы не видели. Все было справедливо. Эти немцы очень честные, трудолюбивые, спокойные люди. Никогда не видели ни одного нарушения, воровства, обиды. Нам помогали. Зерна было много, все амбары наполняли зерном. Когда этого Берия убрали, нам дали свободу, предложили остаться или, если хотим, вернуться. Мы хотели остаться, но свекор настаивал на возвращении. Вернулись уже в составе 10 человек. Оставили наш дом. Приехали и увидели, что оставленный нами в нашем селе дом разрушен. Несколько лет восстанавливали. Там, в Алтае, мы жили намного лучше – там было культурнее, благополучнее, справедливее. Там, в ссылке, нас никто не упрекал, не обижал, а здесь, у себя на родине, нас обзывали дашнаками. Амаяк, мой сын, до сих пор хочет вернуться обратно туда» [15].

Из истории Гарника Шахназаряна в городе Капане Сюникского марза Армении. Записал Давид Аюкян 15.06.2013: «Нас повезли в село Даниловск Знаменского района. 30 семей из нас, армянских выселенцев работали в колхозе им. Кагановича. Сразу же разместили в готовых домах. Сразу по приезде каждой семье выделили 400 кв. метров земли с посеянной картошкой. Почти готовый урожай. Усло-

вия были приемлимы. Директор колхоза Бондаренко нам дал два дня для отдыха. Хороший был человек, все делал, чтобы мы не чувствовали, что находимся на чужбине. Через два дня нас, армян, пригласили на собрание выяснить, у кого какая профессия, кем может работать. Мы русского языка не знали, кроме Айка Иваныча. Он переводил. В дальнейшем его назначили бухгалтером колхоза, и он всегда помогал взрослым при общении. Я был строителем, но работал больше с камнем, а там камня не было. Меня послали на курсы тракториста и комбайнера. Жили, слава богу, неплохо. Даже нашим родственникам помогали продуктами, посылки посылали. Молодежь быстро свыклась, создали собственное окружение. Но очень скучали по родине. Местные нас не знали, спрашивали что за нация армяне, советские ли люди? Их отношение к нам было дружеским, очень ценили работающих. Меня, высленца, приняли даже в ряды комсомола. Тема выселения не затрагивалась. Вернулись в 1957 г.» [16].

Ноем Аршакян тоже в Алтайском крае с семьей жила в немецконаселенном поселении, в селе Ленино Знаменского района. Во время выселения ей было 6 лет. Кроме отца (Смбат Акопян, 49 лет) и матери (Манушак, 42 года) в семье были четверо детей — старшая сестра Забел (21 год), старший брат Волод (19 лет), младший брат Сережа (11 лет) и шестилетний Ноем. При распределении в селе Алтайского края их поселили в доме «бабушки-немки», одну комнату оставили немке, вторую отдали армянской семье. Взрослые работали в колхозе, а Сережа и Ноем ходили в школу. Сестра Забел ухаживала за овцами, брат Волод кузнечил. Ноем помнит, что хлеба не хватало, давали по норме. Спустя некоторое время приобрели корову. «Жить там было легче, жизнь — лучше. Все было механизировано, были трактора, комбайны, даже посев картошки был механизирован. Сено для коровы приносили из колхоза. Трудности, конечно, были, во всем отказывали себе. Сестра там вышла замуж, свадьбы не было, только небольшое, скромное угощение. Сережа работал на помпостанции, потерял руку, 6 месяцев лежал в больнице Знаменска, где его навещала бабушка-немка, к этому времени перебравшаяся в райцентр. Все мы и наши односельчане в итоге вернулись на родину, кроме Коли, сына Цатуря. Он там женился на немке, с ней вместе вернулся в родное село, но не обустроились. Его жена, немка, говорила, что это Татев место ссылки, а не Алтай. Но мы не жалеем, что вернулись, все равно родина, родная земля тянет» [17].

По детским воспоминаниям *Шогер Мамиконян Закарян* (до замужества — Арутюнян) из села Шишкерт, бывшей высленки в Алтайском крае, жизнь в Алтае была нелегкой. Они жили в колхозе «Путь Ленина». Заработка отца семье из пяти человек не хватало. 14-летняя Шогер просит работу: «Председатель товарищ Герасименко, ой, ой, не забуду его, отцом был мне, помог зерном, потом взял меня дояркой, затем доверил мне уход за 500 овцами. Я была очень ответственная, у меня потерь не

бывало, и председатель в итоге мне доверил управление фермой. Материальное состояние нашей семьи улучшилось, даже свинью купили, коров. Из молока делали сыр, масло, частично сдавали на молочный завод, у нас в колхозе был такой завод. Товарищ Герасименко хвалил меня». В одном колхозе с ними жили семьи ее односельчан Шмавона и Аршака Бадаляна, все — как бывшие legionеры. Аршак скончался там же. Остальные вернулись после смерти Сталина. «Здесь, в Армении, в нашем селе на нас смотрели косо — в паспортах была печать высленца, отец вынужденно уехал в другой колхоз. Я не обижена на СССР, на Сталина. Откуда ему было знать что творится в селе Шишкерт. Брат нашего председателя сельсовета тоже попал в плен, но его семью ведь не сослали» [18].

Выселенцы-армяне, крестьяне из малоземельной горной Армении, удивлялись обширным посевам зерновых и богатым урожаям в Алтайском крае, удивлялись обилию, по сравнению с Арменией, техники, богатым совхозам и колхозам. По воспоминаниям Завена Аракеляна, его тетя-высленка, вернувшаяся в 1957 г., привезла с собой тонны зерна. «Они там жили по сравнению с нами очень богато. После возвращения даже сожалели, что не остались там жить» [19].

Рассказывает Микаелян Мрав из села Члдран Нагорного Карабаха: «Нас повезли в Бийск, в Горный Алтай... Нас из Карабаха, в частности из Мартунинского района, было много. В нашем бараке жили 17 семей. Мне было 19 лет. Я здесь окончил школу, но там все-таки ходил в десятый класс для обучения русскому языку. Пока у нас были деньги, мы не работали. Четыре месяца не работали. Там магазины были полны товарами». Артюша Погосян дополняет: «Там нас никто не упрекал выселением, не напоминали, кто мы такие, но я лично себя чувствовал высленцем, несвободным человеком, кто не может свободно высказаться, говорить. Но продукты, да, были. Мы держали коров, свинину. Говядина — сколько хочешь. Запасались замороженной говядиной на зиму. Русские нам продавали зайцев, заячьё мясо. Они охотились. Целый заяц — 3 рубля. Толму делали, заворачивали в листья малины, в листья фасоли, в капусту. Котлеты. Ни в чем не нуждались. У нас там огороды были, выращивали огурцы, лук. Только в морозные дни надо было их защищать от холодов, закрывали шерстяными тряпками, соломой. Только вот после возвращения нас здесь стали называть сибиряками. До сих пор это продолжается. Не обязательно в отрицательном смысле, но мы «сибиряки», и этим словом нас отличают» [20].

У 82-летнего архитектора Лиды Карапетян воспоминания в основном школьные. Она — репатриантка 1946 г. из Ирана. Родилась в 1937 г. В год выселения ей было 12 лет. В Ереване она ходила в русскую школу, и в селе Тягун Сорокинского района Алтайского края, куда поселили ее семью, с языком в школе проблем не имела. Другое дело брат, который не знал русского языка и сразу отстал. Он быстро бро-

Рис. 3. Лида Карапетян с одноклассниками в Тягунской школе.

сил учебу. Их вообще долго не устраивали даже в бараках, остались под открытым небом, благо было лето. Но шли обильные дожди, негде было укрыться, и люди мокли. Только к осени, когда начались заморозки, им предоставили в качестве жилья бывшие конюшни. «Было очень тесно, каждой семье выделили 2–3 квадратных метра пространства. Отец был ювелиром, его послали в лес на валку деревьев. Всех выселенцев-мужчин послали туда. Я ходила в школу, она находилась далеко, я ходила в калошах, ноги сильно мерзли. Наша уборщица школы со словами „ой, деточка, о бедненькая моя, как ты замерзла“ снимала с меня калоши и сушила у печки.

Я училась хорошо, и директор нашей школы меня пожалел. Он из Новосибирска привез мне валенки и спас меня. В школе были хорошие учителя

Рис. 4. Лида Карапетян с учителями и школьниками села Тягун.

Рис. 5. 9-й класс Тягунской школы в 1955 г. Первый в ряду слева – Алик, в центре перед рядами девочка маленького роста – Лида Карапетян.

Рис. 6. Коллектив школы. Третий слева в заднем ряду (в галстук) – учитель математики в селе Тягун Владимир Григорьевич Курц.

ля, ученики. Математику нам преподавал Владимир Григорьевич Курц, очень мудрый, знающий человек. Объяснял урок очень подробно и понятно. Через него я полюбила математику. Он говорил: „Задачу никогда не оставляйте нерешенной. Если вам будет трудно, приходите ко мне“. И мы ходили. У него дома мы полюбили также хорошую, классическую музыку. Я у него впервые услышала имя Гоар Гаспарян: „Это ваш соловей“, – сказал Владимир Григорьевич. А потом ставил пластинки Бетховена. Владимир Григорьевич тоже был выселенцем. Он был немцем, и его сослали еще в начале войны вместе с немцами Поволжья.

Владимир Григорьевич потом помог мне переехать в Алтайск. Там был приют для детей, ходить не надо было. Школа в том же здании, проснулся – уже в школе. Нас кормили, и уже не надо было в валенках по глубокому снегу идти в школу. Этот Алтайск от нашего Тягуна был в 150 километрах. Но это меня спасло.

Мы не знали, почему нас выселили. Нам сказали, что мы вечно должны жить в Тягуне. Нам было очень трудно, особенно в первый год. Зимой первого года умерли многие – то от холодов, то от чахотки. Некоторые лишались рассудка. Когда наши армяне собирались, то все время говорили об этом – этот скончался, тот ходит по улицам...

Со мной в девятом классе учился мальчик, студент первого курса Ереванского медицинского института. Он ходил в нашу школу, чтобы научиться русскому языку. Звали его Алик.

Наши (армяне. – Г. Х.) потом стали строиться. Все вместе строили дома, нам тоже построили. У нас было четверо детей. Моя мама готовила очень вкусно, но продуктов не было. Потом у нас появилась корова, и стало легче. Появились молоко, масло, сыр. Мама долго не могла научиться доить, помогала соседка. Потом она бросила это, и мама, оказалось, уже смогла доить. Она слезно просила корову: „Зорька, Зорька, что мне делать, Зорька, милая, разреши“. И Зорька разрешала. Мама доила два раза в день, каждый раз по 10–12 литров, даже другим раздавали» [14, с. 163–179].

Из истории Мары Саргсян, репатриантки из Сирии, через два года после репатриации с семьей оказавшись выселенкой в Алтайском крае: «Конечно, было тяжело. Но мы знали, что сразу по приезде в Армению за нами следят (имеет в виду репатриация, приезд в Армению из Сирии. – Г. Х.). Я, конечно была ребенком и ничего не понимала, но ро-

дители все время опасались сказать лишнего. Это даже я помню, хотя понимать стала с взрослением. Тем не менее выселение было неожиданно и очень, очень обидно. Может быть, даже наши были согласны с обидами на родине, в Армении, но не в Сибири же. А нас сослали именно в Сибирь. Но я ее полюбила. У нас в школе было очень даже комфортно. Я понимала вздохи и шепоты моих родителей, их тревоги, может быть, даже тяжкий труд, но в Сибири все жили трудно, даже местные. В нашей школе не было богатых и бедных, и, наверное, я тогда не могла даже различать бедность от богатства. Одевались одинаково плохо, ели то же, что все, но нашему веселью не было конца. Школа – одно удовольствие. Ходили в лес за ягодами и цветами и пропадали часами. Любовались закатами. Вы видели закаты в Алтае? Его нет, и он все-таки есть. Темнеет сразу, и надо ловить момент. Мы соревновались в этой ловле. Было холодно, на было саней. Было много честности и справедливости. Да, я теперь знаю, что папа с мамой часто ходили в комендатуру подписываться, что для выезда в районный центр нам нужно было разрешение, но тогда все это казалось нормальным, казалось, что так живут все, и это в порядке вещей. Папа с мамой не знали русского языка, но ведь были мы и им переводили. Я не понимала тогда, как это осложняет им жизнь. Это я сейчас понимаю, но тогда это не печалило меня. Я знаю теперь, что к нам отнеслись чудовищно несправедливо. Но Сибирь и жителей Сибири я полюбила навечно. Это не имеет отношения к той несправедливости. Нас сослали туда навечно, но мы вернулись. А мою вечную любовь к Сибири не отняли. Это моя вторая родина и ею останется действительно навечно».

H. S. Kharatyan

Siberia in the written memoirs and oral stories of the repressed Armenians: from the GULAG to the second homeland

Annotation. This publication is devoted to the consideration of the image of Siberia among the repressed Armenians who were deported to the region. The main sources of work were both written memoirs and oral sources. Analyzing the sources, the author reflects both the difficult natural conditions of Siberia and the attitude of the local population towards the deported Armenians. The author notes significant differences in the image of Siberia in written memoirs that were written by adults and in the oral stories of informants who were children at the time of expulsion. **Keywords:** *Siberia, GULAG, Armenians, deportation, special settlement.*

Список литературы

1. НАА. Ф. 1191. Оп. 15. Д. 57–59.
2. НАА. Ф. 1191. Оп. 9. Д. 129, 130.
3. НАА. Ф. 1191. Оп. 11. Д. 898–900.
4. НАА. Ф. 1191. Оп. 13. Д. 1635, 1636.
5. НАА. Ф. 1191. Оп. 10. Д. 1964–1970.
6. НАА. Ф. 1191. Оп. 9. Д. 2419–2422.
7. НАА. Ф. 1191. Оп. 8. Д. 1825–1828.

8. Кисибекян А. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. Ереван: Араспел, 2011 (на арм. яз.).
9. Сталинские депортации, 1928–1953 / сост.: Н. Л. Поболь, П. М. Полян. Москва: Междунар. фонд «Демократия» Материк, 2005. 902 с.
10. ГАРФ, Ф. Р-9401, Оп. 2, Д. 10, Л. 46–54. Подлинник. Др. экз. ГАРФ, Ф. Р-9401, Оп. 2, Д. 42, Л. 101–115. Заверенная копия без л. 11д. Опубликовано в: «Ста-

- линские депортации 1928–1953 гг. Документы...», док. 4.27.
11. Алазан В. Хожение по мукам (Воспоминания). Ереван Хорурдаин грох, 1990. 238 с. (на арм. яз.).
 12. Алексанян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. Ереван Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007 (Антропология памяти, вып. 1). 408 с.
 13. ИЦ МВД Томской области, Д. 42403 (на обложке – Алексанян Арпенник Араевна), Л. 35 (регистрационный лист № 16).
 14. Советская жизнь в устных историях: сборник материалов / сост., коммент., ред., предисл. Г. Харатян. Ереван: ИАЭ, 2019. 671 с.
 15. История Евгения и Амаяк Варданян // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=2084> (дата обращения: 15.08.2020).
 16. История Гарника Шахназаряна // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3912> (дата обращения: 15.08.2020).
 17. История Нойем Аршакаян // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=1726> (дата обращения: 15.08.2020).
 18. История Шогер Закарян // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=1724> (дата обращения: 15.08.2020).
 19. История Завена Аракеяна // Armenia Total(itar) is Պաշտոնական Կայք [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3917> (дата обращения: 15.08.2020).
 20. История Мрава Микаеляна (Записала Гоар Степаниан в 2015 г. в Степанакерте. Запись хранится в архиве Ин-та археологии и этнографии НАН РА).
 21. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния) // История и культура Вятского края. Т. 2. Москва; Киров: Академический проект-Константа, 2005. С. 293–512.
 22. Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. М., 1959, № 34, С. 116–197.

УДК: 39 (571.150)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-243-253

Т. К. Щеглова

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Этнические депортации в Алтайский край: этапы, состав, численность, особенности размещения (1939–1956 гг.)¹

Аннотация. В статье рассматриваются принудительные этнические переселения в ходе спецопераций на территорию Алтайского края из европейской части СССР в контексте общей государственной репрессивной депортационной политики в предвоенный, военный, послевоенный периоды. Выявляется состав и численность депортируемого населения, время ссылки и места вселения на Алтае. Подчеркивается, что особенностью депортационных переселений являлось дисперсное размещение депортируемых семьями по территории региона с охватом почти всех районов и сельских поселений региона. Основным способом решения проблемы обустройства в местах высылки являлось подселение в жилища местного населения за счет уплотнения. Предполагается, что полиэтничный состав депортируемых, выселяемых как неблагонадежные или виновные, с расселением в городских и сельских обществах создавал особую ситуацию в повседневной жизни сибирского общества. Автор приходит к выводу, что назрела необходимость изучения в контексте депортаций принимающего сельского и городского общества Алтайского края, как и Сибири в целом, его адаптации к новым условиям и факторам, обусловленным депортацией с ее влиянием на культуру, быт, условия жизнедеятельности и жизнеобеспечения сибирского общества в экстремальных условиях. **Ключевые слова:** депортационные операции, этнические депортируемые, численность, состав, сельское общество, особенности вселения и размещения.

Актуальность. На формирование этнического состава населения Алтайского края на протяжении всей истории влияли переселения и миграции – добровольные, принудительные и добровольно-принудительные. Процессы переселений сопровождалась как притоками, так и оттоками этнических переселенцев, которые так или иначе оставляли свой след

в культуре и памяти населения края. В региональной историографии этнические компоненты переселений изучены недостаточно. Наиболее полно проанализирован состав крестьянских переселений, и прежде всего по столыпинской реформе начала XX столетия – как в совокупности всех потоков крестьянского населения, так и в изучении в составе этих потоков отдельных народов: немцев (В. Н. Шайдунов [1]), украинцев (Н. С. Грибанова, И. В. Чернова и др. [2]), белорусов (Е. Ф. Фурсова [3]), мордвы (М. А. Овчарова [4]) и др. Меньше внимания уделялось этническому составу крестьянских переселений вто-

¹ Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ/РФФИ № 16-21-200001 «Армянская депортационная кампания 1949 года и ее отражение в исторической памяти».